

Bielskie Stowarzyszenie Społeczno-Kulturalne

Brama

**KULTURA POGRANICZA
POGRANICZE KULTUR**

**КУЛЬТУРА ПОГРАНИЧЬЯ
ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР**

Redakcja naukowa
Adam BOBRYK

**SIEDLECKIE STOWARZYSZENIE SPOŁECZNO-KULTURALNE „BRAMA”
WYŻSZA SZKOŁA HUMANISTYCZNA IM. ALEKSANDRA GIEYSZTORA**

**KULTURA POGRANICZA - POGRANICZE KULTUR
КУЛЬТУРА ПОГРАНИЧЬЯ - ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР**

**REDAKCJA NAUKOWA
ADAM BOBRYK**

SIEDLCE-PULTUSK 2005

© Copyright by Siedleckie Stowarzyszenie Społeczno-Kulturalne „Brama”, Siedlce 2005
© Copyright by Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, Pułtusk 2005

Recenzenci   *prof. dr hab. Roman Dzwonkowski SAC*
                      prof. dr hab. Jacek Knopek

Projekt okładki   *Jarosław Stelingowski*
Zdjęcie na okładce   *Piotr Tołwiński*

Redakcja   *Jarosław Stelingowski*
Korekta   *Barbara Stelingowska*

Wydawcy   *Siedleckie Stowarzyszenie Społeczno-*
                      Kulturalne „Brama”
                      ul. Głucha 1-5
                      08-110 Siedlce
                      tel. +48 604 104 518

Wyższa Szkoła Humanistyczna
im. Aleksandra Gieysztora
ul. Daszyńskiego 17
06-100 Pułtusk
tel./fax: +48 (23) 692 50 82
e-mail: rektorat@wsh.edu.pl
internet: www.wsh.edu.pl

Druk i oprawa   *Drukarnia LOTOS Sp. z o.o.*
                              Wał Miedzeszyński 98
                              04-987 Warszawa

Marketing   *Wydawnictwo „Publica”*
                      ul. Bpa Świrskiego 29
                      08-110 Siedlce

ISBN   **83-89709-54-6**

ЕВГЕНИЙ МАЛИНОВСКИЙ

Барановичский Государственный Университет
Беларусь

Лингвистический кенозис в психологической культуре личности

Культурно-психологический вектор пограничной ментальности очевиден в сочетании этимонов ψύχή и λόγος как „восточного созерцания и идеальной западной формы” (Вл. Соловьев). Мифологический символизм апулеевской „Психеи” и рациональная доктрина „Homo Ludens” преемственно превосхищают культуру евдемонии (ευδαιμόνιον) единоборством души с примитивными желаниями. „Новая аскеза самопожертвования” не является, согласно Й. Хейзинге, отрицанием мира ради блаженства на небесах, но проявлением „самообладания и правильного употребления меры могущества и наслаждения”¹. Очевидно, что игнорирование восточной аскезой и бегство от самопожертвования привело западную цивилизацию к смертельному розыгрышу и потере самого наслаждения как радости без страха наказания. Алеаторическая (aleatororius) агония паршивой (рядом с Шивой) игривости человека обернулось „поражением, имеющим священный характер в свете позитивных представлений о могуществе Господнем”². Очевидная энтропия и распад образа Божьего в человеке характеризует ментальные полярности известной эссенцией: „на Западе безбожный человек, а на Востоке бесчеловечный бог”. Измаил как родоначальник Ислама символизирует кризисно-символический ключ хорридных (horror) следствий: „он будет среди людей дикий осел: руки его на всех и руки всех на нем” [Быт. 16, 12]. Так, жребий, брошенный в „сферу священности”³ поднимает игрока со смертью до уровня деспотии, противостоять которому в силах только субъект культурного „самостояния” (М. Мамардашвили). Фиксированный Н. Бердяевым гетеростазис „культуры как вечной неудачи жизни” может иметь разрешение в культуре психологической как вечной удаче души, сублимирующей и объективирующей свои склонности, придающей им эстетический смысл и духовную направленность. При этом потребность в слове, также как и потребность в блаженстве –

¹ Й. Хейзинга, *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня*, Москва 1992, с. 364.

² Там же, с. 99.

³ Там же, с. 94.

интенциальная сфера духа, усиленная объектами культуры. Так, безграничное Евангелие требует своего культурного оформления в Книгах (βιβλός) и керигматическом (κερίγμα) дискурсе. Интенциальное измерение личности в той мере аксиологически запредельно по ассоциативно-предикативных значений, в какой мере Логос семантически запределен установке: „Библия – памятник культуры”. В силу теологических посылок философская проблема ценностей даже в предельно широком допущении ограничена сократовской постановкой вопроса „что есть благо”. Психология же квалифицирует „благо” не в смысле „что”, а „кто”. Поэтому ее связь с Евангелием очевидна в ряде образующих внутренний мир человека независимых переменных: духовная убогость, плач о собственных грехах, кротость, жажда справедливости, милосердие, сердечная чистота, миротворчество, стигматичность, жертвенность [Мф. 5]. Такая избранность культурное наследие западного мира согласуют с восточным кенозисом (κενωσις), по сути, несением „креста” в номинации личностного достоинства (ἀξίως).

Заданная актуальность обостряет необходимость постановки цели исследования, построенного не столько на культурно-лингвистической традиции, сколько на аксио-персонологической перспективе „небесной оси” (axios) в человеке, усваивающем образование, развитие, воспитание и просвещение как причинно-следственные элементы собственного достоинства. Богоприсутствие в неопитском, постатеистическом сообществе (societas) независимых личностей (populus), сегрегируется (segregate) из среды „уныния и недоумения народов” [Лк. 21, 25] через интернационально-личностный диалог. Катехизис фиксирует этот диалог каноном: „Бог наделил свои создания не только существованием, но и достоинством действовать свободно, становясь причиной и началом друг друга”⁴. Все слова человека становятся вразумительными по мере их восхождения от субъективно-племенных смыслов к национально-объективному воплощению Слова как достоинства народов [Откр. 21, 26].

Оформление нового европейского менталитета на постсоветском пространстве начинается с независимости науки от артельно-патерналистской религиозности, очевидной в притязании на этно-конфессиональную унификацию истины. По мнению М. Новака, „попытка навязать людям Царствие Божье – это угроза не только

⁴ Катехизис Католической Церкви, Москва 2001, канон 306.

человеческой свободе, но и самому христианству”⁵. Психология, построенная на религиозной совести, неизбежно приведет к мифологическому отчуждению личности в системе „христианских ценностей”. Стремление „вынести Христа на торг”⁶ может навязываться социалистическим единоначалием, исключая плюрализм мнений при возникновении научной гипотезы. Провозглашая свободу совести в „созидании самого себя в любви” [Еф. 4, 16], апостол Павел констатирует наличие вечно альтернативного источника этого созидания: „для чистых все чисто, а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть” [Тит. 1, 15]. Воплощая заповедь „не суди”, Апостол составляет индетерминанту „каждого за себя отчета Богу” [Рим. 14, 12].

Культивируемая в современном белорусском общественном мнении идеология совести, является, в сравнении с оценкой К. Левина, результатом „активного изменения когнитивной структуры субъекта в любой части жизненного пространства, включая его психологическое будущее, прошлое и настоящее, на уровне индивидуальных ценностей и валентностей, потребностей и смыслов в целях принятия группового демократического решения”⁷. С психологической точки зрения, ни одна идея не может претендовать на данное решение, кроме идеи Логоса. Однако античные термины „ideo” („потому, по причине”) и *idea* (мысль) служат деперсонализации логоса через деизм „чтойности” идеологии как „словомыслия”. Поэтому его аксио-лингвистической альтернативой для научной теории служит термин *благословие*, *benedictum*, содержательное значение которого исторически бесспорно. Благодарственный либерализм, преодолевая психологические ограничения демократии, проникает дальше и глубже в человеческую природу, открывая доступность истины в личности творца: „если сердце наше нас не осуждает, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего не попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним” [1 Ин. 3, 21].

Культурно-психологическая перспектива личности имеет своим источником объективно-интенциональное начало – *λογος ενυλοξ* (внутриматериальный логос), являющее личность зримым образом богоприсутствия – *θεοφαινω* как самобытия человека Слова [Ин. 1,1]. В

⁵ М. Новак, *Дух демократического капитализма*, Минск 1997, с. 78.

⁶ Там же.

⁷ К. Левин, *Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии*, [в:] *История психологии: тексты*, ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан, Екатеринбург 1999, с. 269.

характерном для этого бытия теизме фиксируется, по мысли М. А. Можейко, „вектор личностной артикуляции персонифицированного Бога”⁸, находящий свое объективное проявление в Евангелии как логическом образе Иисуса Христа. Отсюда предмет теопсихологии составляет рефлексивно-артикуляционный характер такого исследования, которое не сводится, ввиду самого Теоса, к теологической теории, этнопсихологической практике, но поддается культурной репрезентации *благоподобия* в процессе и результате конфессионального общения участников диалога между Востоком и Западом. Его генетическая сфера пронизана теистическим вектором перехода от гносеологической в орудийную деятельность национального субъекта, интенционально ответственного в слове „ставшем плотью и обитавшем с нами, полным благодати и истины” [Ин. 1, 14].

Речь, стало быть, должна идти о новом интенциональном подходе к проблеме личности, ставшей национальным источником просвещения в условиях стихийной неустроенности постсоветского социума. При хронологическом решении важно учитывать онтологический момент, заключающийся в том, что Царство Божие – это не теоретическое и не конституциональное, но именно культурно-психологическое решение проблем этого социума: „Не придет Царствие Божие приметным образом; и не скажут: вот оно здесь, или вот оно там: ибо вот Царствие Божие внутри вас есть” [Лк. 17, 20]. Будучи благоволением избранной части человечества, это Царство, по сути, сокровенный корень психологии, обретающей конкретную цель моделирования личности человека уподоблением совершенной личности Бога: „Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный” [Мф. 5, 48].

Данная целесообразность предполагает постановку кенотической проблемы культурно-психологической личности в единстве богословия, психологии, лингвистики. В ходе изучения литературных источников обозначился предмет исследования, согласно которому личность рассматривается в дихотомии „образа” (*imago*) и „подобия” (*similis*). В психологическом ключе онтологии и богословия возникает гипотеза о филогенетическом соответствии понятий „образ” и „подобие” с понятием „личность”. Свершившийся факт – „И сотворил Бог человека по образу Своему” – упреждается перспективой его божественного

⁸ М. А. Можейко, *Между Афинами и Ерусалимом: имманентный дуализм оснований европейской культуры*, [в:] *Культура. Христианства. Адукацыя*, ред. В. А. Салеева, Минск 2003, с. 45.

уподобления: „Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему” [Быт. 1, 26]. Самобытность личности служит сoterиологическим (soteriologia) потенциалом богоподобия. Личность субстанциональна в силу своей связи с Божественной субстанцией. Однако тварь, „не ведающая, что творит господин” [Ин. 15, 15] модифицирует означаемое бытие того означающего Образа, который выбит у нее на скрижалях сердца. Различение в бинарной объект-субъектной связи третьего, интродуктивного элемента, обнаруживает „реальную акциденцию” (Фома Аквинский) как единичное проявление субстанции. Акциденциальная концентрация знаковости отражает ее древнюю троичную организацию, включающую в себя, по М. Фуко, „содержание, форму и *подобия*, связывающие метки с обозначенными вещами; но так как сходство есть столь же форма знаков, сколь и их содержание, три различных элемента этого распределения превращаются в одну фигуру”⁹. Отсюда акциденциальный потенциал „подобия” связан с онтогенетическим источником самосознания, актуализирующего образ Божий в личностном успехе: „время и *случай* для всех” [Екк. 9, 12]. Отсюда можно предположить, что интенционально объективному значению образа слова соответствует акциденциальный смысл его подобия. Восточный синэргизм научных и религиозных, художественных и генетических сфер познания на протяжении всей истории подвержен маргинальной диффузии патерналистски настроенного социума, чуждого западной культуре и собственному языку. Поэтому в условиях постсоветского пространства личностная инициатива всегда упреждена логическим принципом до конца страдания „изначального Слова”, „обитавшего с нами” [Ин. 1, 14], украинцами, белорусами, россиянами. В этом кенозисе психология как феномен общественного сознания, а религия как феномен общественного содействия вместе составляют стороны параболы, уравновешенные культурной автономией личности, ставшей миссионером в собственной, логически опустошенной стране. Такая автономия адекватна аксио-нормативной психологии, оберегающей национально-лингвистическую *инициативу* (inijicio) личности от религиозно-племенной *инициации* (initio).

Конфессиональная инициатива, очищенная от инициации как психологической защиты, профессионально мотивирована публичной артикуляцией, пророчески обреченной на „неприятие в своем отечестве” [Лк. 4, 24]. Психологическая культура личности интенциональна славе

⁹ М. Фуко, *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, Санкт Петербург 1994, с. 78.

Иисуса Христа, интегративной для множества национальных инициатив „Цивилизации любви” (Ян Павел II). Слово, ставшее причиной рода (causa gentis) отныне принципиально составляет главный объект национальной культуры, дифференцирующей, схематизирующей и детализирующей индивидуальные смыслы бытия. В. Гумбольдт подвергал человека власти языка как конативной структуры: „каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит круг, из пределов которого можно выйти только в случае, если вступишь в другой круг”. Условия погружения психолингвистического кенозиса в белорусскую „купель” продиктованы уникальной ситуацией рода, игнорирующего собственный язык. Поэтому включение „круга языка” в контекст цивилизации сопряжено с кенозисом как рефлексивно-керигиматическим страданием миссионера, овладевающего чужим языком как родным в полном соответствии с определением: „не Мой народ назову Моим народом” [Рим. 9, 25].

Lingwistyczny kenozyz w psychologicznej kulturze osobowości (streszczenie)

Kulturalno-psychologiczny wektor mentalności pogranicznej jest oczywistym kojarząc go z etymonami ψύχή i λόγος jako „wschodnia kontemplacja oraz doskonały kształt zachodni” (Wł. Sołowjow). Ta kontemplacja staje się zrozumiałą przy stopniowym wschodzeniu człowieka od pojęć podmiotowo-plemiennych do uzmysłowienia obiektywno-narodowościowego wcielenia Słowa jako wartości narodowej. Ukształtowanie nowej mentalności europejskiej na przestrzeni porażkowej zaczyna się od psychologicznej kultury osobowości, samodzielnej od artelowo-paternalistycznej unifikacji socjalizmu lekceważącego język ojczysty. Dlatego włączenie sfery języka do kontekstu cywilizacji jest związane z psycholingwistycznym kenozyzmem, jako refleksyjno-kerygmatycznym cierpieniem misionarza w praktycznie spustoszonej kraju.